

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

А.Р. ИВОНИН

Тупики “русского феодализма”

В статье анализируется современный познавательный статус понятия “феодализм” и особенности применения этого понятия к описанию реалий Московского княжества в учебной литературе, обсуждается его отношение к понятиям “вотчинное”, “военнослужилое” государство, к миросистемному подходу.

Ключевые слова: феодализм, власть-собственность, вотчинное государство, паттерн.

In article the modern cognitive status of concept “feudalism” and features of application of this concept to the description of realities of the Moscow principedom in the educational literature are analyzed, its relations to the concept “the patrimonial state”, and to the world-system approach are discussed.

Keywords: feudalism, power-property, patrimonial state, pattern.

К сожалению, историческая общественность страны (понимаемая как сообщество историков-профессионалов) в значительной мере утратила интерес к теоретическим вопросам истории России. В силу этого решение историософских проблем в значительной мере отдано на откуп социологам, экономистам, политологам и другим представителям смежных общественных наук. На мой взгляд, это очень опасная тенденция, поскольку, по справедливому замечанию Ф. Броделя, “социологи и экономисты вчера, а антропологи – сегодня приучили нас к своему почти полному незнанию истории” [Бродель, 1988, с. 277].

В начале XXI в., когда страна оказалась перед выбором стратегии дальнейшего развития (находится в точке бифуркации), нельзя позволить себе такую роскошь. Поиски адекватного ответа на брошенный России “вызов истории” заставляют по-новому подойти к осмыслению исторического материала. Утрата “истматом” монополии на толкование закономерностей общественного развития и пережитая в конце XX в. катастрофа развала СССР объективно дают “особенную остроту сознания, особенную способность к рефлексии... особенное обращение духа человеческого к тайнам исторического”. В такие периоды “нужно вернуться к тайникам исторической жизни, к ее внутреннему смыслу, к внутренней душе истории для того, чтобы осмыслить ее и построить настоящую философию истории” [Бердяев, 1990, с. 6].

Но это вряд ли выполнимо без обновления пришедших к нам из XVIII–XIX вв. концепций. Недавно на это обратил внимание А. Медушевский, признавший целесообразность “новой интерпретации таких классических парадигм науки как феодализм, служилое государство, вотчинное государство, гражданское общество и правовое государство” [Медушевский, 2008, с. 11]. Используя любую дефиницию, нужно ясно представлять как “систему координат”, в которой она функционирует, так и временные границы ее применения.

Главная задача предлагаемой работы – попытка определить место и роль понятия “феодализм” не столько в системе научного знания (эта задача вряд ли выполнима в рамках отдельной статьи), сколько в научно-образовательном процессе России. В конце концов, с монографиями и научными статьями по теме знакомы сотни, может быть, тысячи профессионалов, которые и сами в состоянии разобраться в существе проблемы. Учебники же выступают ретрансляторами исторического знания, “вещающими” на миллионную аудиторию. С этой точки зрения, анализ трактовки понятия “феодализм” в современной учебной литературе приобретает особую актуальность.

Избранный аспект не позволяет дать развернутый анализ проблемы. Тем не менее необходимо хотя бы отдельными штрихами показать сложность и неоднозначность описываемого явления. Об этом западноевропейские историки говорили, по крайней мере, уже с конца XIX в. Авторы весьма популярной работы об эпохе Крестовых походов подчеркивали, что феодализм, складывавшийся на развалинах империи Карла Великого в X–XI в., никогда не представлял собой единого целого. Эта система знала больше исключений, чем правил, “поэтому еще ни один ученый не отважился выступить с общим сочинением о феодальном порядке” [Лависс, Рамбо, 2005, с. 7–8].

М. Блок, отметив, что точные определения не являются сильной стороной историков, не без иронии восклицал: «Сколько “феодализмов” расплодилось в мире – от Китая до Греции ахейцев в красивых доспехах! По большей части они ничуть не похожи. Просто каждый или почти каждый историк понимает это слово на свой лад» [Блок, 1986, с. 99]. Вместе с тем, скептически относясь к скоропалительным определениям, основатель школы “Анналов” не только считал возможным говорить о феодальном обществе Западной Европы, но дал блестящий анализ его двух периодов.

Бродель признавался, что испытывает к “столь часто употребляемому слову феодализм такую же аллергию, какую испытывали Марк Блок или Люсьен Февр”. Этот термин, по его мнению, относится лишь к ленному владению и к тому, что от него зависит – и ничего более. “Помещать все общество Европы с XI по XV в. под этой кокабулой не более логично, чем обозначать словом капитализм всю совокупность этого же общества между XVI и XX веками” [Бродель, 2006, с. 479].

Ж. Ле Гофф усматривал в феодализме преимущественно систему личных связей, “иерархически объединяющих членов высшего слоя общества”. Реальной основой этих связей выступал бенефиций (чаще всего земля), которым сеньор жаловал своего вассала в обмен за определенные службы и клятву верности [Ле Гофф, 1992, с. 89].

В современных учебных пособиях под феодализмом обычно понимается социально-политическое устройство западного аграрного общества, в котором владение землей и политическая власть составляют единое целое. Такая система покоилась как на экономической базе (феодальные повинности), так и на определенной социальной иерархии [Дидерикс... 1998, с. 9–10]. Авторы “Истории Европы” включают в “феодально-вассальную систему” иерархические асимметричные личные отношения на основе права-обязанности военной службы и получения “бенефиция”, затем – феода [Альдебер... 1996, с. 132–133].

В советской медиевистике утвердилось понимание феодализма как особой социально-экономической формации и закономерного этапа в развитии человеческого общества. Он рассматривался, прежде всего, как способ производства, в основе которого лежит собственность феодалов на землю и наделение землей непосредственных производителей – зависимых крестьян, ведущих самостоятельное мелкое хозяйство и отдающих феодалам свой прибавочный продукт в виде ренты или налога путем внеэкономического принуждения. Более развернутые толкования указывали на вариативность внеэкономического принуждения от жесткой крепостной зависимости до простой сословной неполноправности, на условный характер и иерархическую структуру феодальной собственности, на соединение ее с политической властью.

Одним из первых в универсальности этой конструкции усомнился А. Гуревич. В 1990 г. он заметил, что «нет ничего проще, чем всюду и везде находить “феодализм”, если руководствоваться упрощенным пониманием его как строя крупного

землевладения, эксплуатирующего земледельцев» [Гуревич, 1990, с. 34]. В одной из последних своих работ Гуревич с полным основанием писал, что “проблема феодального Средневековья – понятия и предмета исторического исследования – весьма мало тревожит наших медиевистов, вследствие чего многие продолжают придерживаться довольно-таки заскорузлых взглядов и суждений” [Гуревич, 2008, с. 13]. Разумеется, в эту “заскорузлость” вносятся определенные коррективы.

В учебнике по истории Средних веков под редакцией С. Карпова справедливо отмечаются недостатки марксистской методологии, такие как смешение логического и исторического, жесткая детерминированность исторического процесса, абсолютизация и сакрализация метода. Поэтому понятие “формация” заменяется понятием “общественная система”. Однако здесь же повторяются все “классические” признаки “истматовского” феодализма и подчеркивается его универсальный характер как определенной стадии исторического развития. Правда, с оговорками о необходимости учета своеобразия конкретно-исторических вариантов, динамики многоукладности и цивилизационных особенностей [История... 1997, с. 11–18].

Авторы называют свою концепцию синтетической, но с большим основанием ее следует именовать *синкретической*. От обставленного такими оговорками “феодализма” практически ничего универсального не остается, а акцент на универсальность, в свою очередь, предполагает если не игнорирование, то “вынесение за скобки” цивилизационных особенностей. За всем этим просматривается отчетливое стремление сохранить ценой определенных уступок “единственно верную научную теорию”. Однако при всех различиях в подходах и трактовках самого термина медиевисты всех школ и направлений согласны с тем, что феодализм в Европе не просто существовал, но был одной из наиболее значимых структур ее средневековой истории.

Другое дело – “русский феодализм”. Наиболее последовательным его сторонником в дореволюционный период выступал Н. Павлов-Сильванский, отводя ему хронологические рамки с конца XII (правление Андрея Боголюбского) до середины XVI в. (царствование Ивана Грозного). По мнению автора, «чем больше прогрессирует историческая наука у нас и на Западе, тем более сближаются выводы русских и западных историков “*ad majorem gloriam*” (к вящей славе) новой науки – социологии». Разумеется, он не игнорировал особенностей российской истории, но не усматривал и коренного отличия ее от истории западноевропейской, полагая, что все сводится “или к меньшему развитию, или к меньшей оформленности основных начал феодализма” [Павлов-Сильванский, 1988, с. 41–43].

В общем и целом исследователь признавал наличие таких признаков феодализма, как слияние верховной власти с земельной собственностью (присвоение собственнику прав государства в условиях политической раздробленности), иерархичность организации (вассалитета) и условность землевладения. В то же время он полагал, что определение феодализма прежде всего как “условного землевладения по феодальному контракту” “дает стройную, но внешнюю, поверхностную его характеристику”. На практике “феод” мог означать и кухню для повара, и право забирать рои пчел, найденных в лесу, например, графу Шампани. Глубинные черты сходства он усматривал, главным образом, в наличии крупного землевладения, в том числе и в соединении его с мелким крестьянским хозяйством [Павлов-Сильванский, 1988, с. 71–73, 43, 49, 58].

На первый взгляд, “боярщина” удельных веков действительно во многом тождественна сеньории, русское “закладничество” являлось известным аналогом коммендации, “кормление” можно сопоставить с “феодом-должностью” (*fief-office*), но при ближайшем рассмотрении картина меняется едва ли не кардинально. В новгородских писцовых книгах, в самом деле, можно отыскать «яркую картину полного господства “боярщины”» [Павлов-Сильванский, 1988, с. 65]. Вспомним, однако, что именно новгородское боярство при Иване III было ликвидировано “как класс”, вместе со своими вотчинами. Вотчина же Московского княжества с самого начала отличалась ярко выраженными “служильными” чертами, хотя и сохраняла прежнее наименование. “Закладничество” было скорее внешне похожим, чем тождественным коммендации

явлением. Это не просто акт вступления под личное покровительство, это – превращение закладника в княжеского или боярского холопа. Система кормлений – в лучшем случае зародыш “феода-должности”. В Московском княжестве нет ни одного факта наследственной узурпации власти кормленщика. Одной из причин частой перемены наместников как раз и была боязнь Москвы усиления центробежных тенденций. Московский политический строй с самого возникновения *был не продолжением “феодализма”, а его антиподом и антагонистом.*

Решительным противником концепции Павлова-Сильванского выступил В. Ключевский. Конечно же, великий русский историк не отрицал идеи единства всемирного исторического процесса, но утверждал, что “составом общества в различных сочетаниях устанавливается неодинаковое соотношение между составными элементами, а с изменением взаимного отношения и самые элементы обнаруживают различные свойства и действуют неодинаково” [Ключевский, 1956, с. 25]. Н. Кареев, в целом положительно оценивший работы Павлова-Сильванского, все же находил, что исследователь “доказывал больше, чем можно доказать, говорил о тождестве там, где можно было говорить лишь о сходстве, находил сходство там, где, в сущности, его было мало, умалчивал нередко о пунктах различия или преуменьшал их значение, когда они не могли не остаться неотмеченными” (цит. по [Чирков, 1988, с. 631]).

Распространение марксизма в России подлило масла в костер дискуссии. В. Ленин был решительным сторонником этой концепции, отождествляя русский вариант феодализма с крепостничеством, хотя в тактических целях не всегда высказывался прямо в ее пользу. Г. Плеханов же полагал, что сходства между западным и русским феодализмом не больше, чем между “российским Вольтером” – А. Сумароковым, и настоящим, французским Вольтером [Маньков, 1970, с. 315–318].

В дореволюционный период эти споры носили преимущественно теоретический характер, хотя исторические аргументы нередко использовались и в политической борьбе. С приходом советской власти ситуация изменилась коренным образом. Часть как сторонников, так и противников “русского феодализма” были отправлены “философским” пароходом за границу. Оставшиеся на Родине должны были либо сосредоточиться на нейтральных для большевизма темах, либо вписать свои научные интересы в проблематику “школы Покровского”.

Ожесточенная внутривластная борьба 1920-х гг. не могла не сказаться на положении дел в исторической науке. Сторонники “перманентной революции” (“троцкисты”) готовы были бросить Россию в “последний и решительный бой” за победу мировой революции, но им успешно противостояли “государственники” (И. Сталин, Н. Бухарин). За схоластическими спорами о “возможности построения социализма в одной стране” стояла вечная проблема: “Быть или не быть России мировой державой?”.

“Государственники” победили, но их единство оказалось непрочным. “Бухаринцы”, опираясь на так называемое “завещание Ленина”, фактически отстаивали идею “земского государства” в коммунистическом его облачении. “Сталинская гвардия” отдавала предпочтение “имперской традиции” также, разумеется, перекрашенной в красный цвет. Победа осталась за “сталинистами”. Одним из итогов этой политической дискуссии стало известное “Академическое дело”, когда более чем сотне профессиональных историков во главе с академиком С. Платоновым не только предъявили обвинение в “монархизме”, но и “удачно” связали их научную деятельность с политической линией “правого уклона” [Пихоя, 2004, с. 38].

Вскоре, однако, выяснилось, что невозможно строить государство (хоть коммунистическое, хоть буржуазное) без учета опыта прошлого. “Школа Покровского”, с ее русофобскими установками, пришлась явно не ко двору большевистского “Бонапарта” – Сталина. Но и от “марксизма”, ставшего квазирелигией “первого в мире государства рабочих и крестьян”, отказаться было невозможно. Возникла острая необходимость увязать особенности исторического развития России с постулатами “единственно верного учения”. Этот социальный заказ был блестяще выполнен груп-

пой историков-профессионалов, среди которых выдающееся место занял Б. Греков, сумевший представить эволюцию Древней Руси в контексте развития феодальных отношений [Пихоя, 2004, с. 41]. С тех пор облаченная в “истматовскую” тогу теория русского феодализма стала единственным методологическим ориентиром при изучении отечественной истории IX–первой половины XIX вв., а *десять веков крепостничества* – лейтмотивом советской исторической науки.

Не нам судить наших учителей. Вынужденные пойти в “коммунистическую Каноссу”, они должны были многим пожертвовать. Но нельзя не видеть и позитивные стороны этого процесса. На смену “агитаторам, горланам, главарям” 1920-х гг. пришли профессионалы высокого класса. В условиях “диктатуры пролетариата” они сумели (насколько это было в их силах) сохранить многие традиции дореволюционной школы. Некоторые ушли, “от греха подальше”, в археографию и источниковедение (М. Тихомиров, Л. Черепнин – хотя их вклад в историческую науку далеко не исчерпывается только этими областями исторического знания), другие, как С. Бахрушин, углубились в изучение истории Сибири. Все они стали создателями мощнейших школ и направлений. Да и само обращение к марксизму, с его приматом экономических отношений, на первых порах способствовало расширению тематики и активизации исследований, особенно в области социально-экономической истории.

Другую ветвь представляли русские историки, оказавшиеся за рубежом. Пожалуй, самым выдающимся представителем зарубежного направления русской исторической науки был Г. Вернадский. Вслед за западными исследователями он полагал, что термин “феодализм” можно рассматривать как в широком, так и узком смысле слова. В узком смысле – это феодальный порядок, утвердившийся в средневековой Европе (в основном, во Франции и Германии). В широком смысле “он может быть применен к некоторым социальным, экономическим и политическим тенденциям развития любой страны в любое время” [Вернадский, 1996, с. 104].

При этом Вернадский не только не отрицал заслуг советских историков в изучении истории Древней Руси, но и поддержал Грекова в вопросе о росте крупного княжеского и боярского землевладения, частично согласился с его критикой концепции Ключевского, недооценившего роль и значение аграрного сектора древнерусской экономики. Он даже считал, что элементы феодализма в Древней Руси действительно нарастали с XII в., но при том настаивал, что Древняя Русь не была феодальным государством [Вернадский, 1996, с. 108]. Показательно, что в учебнике С. Пушкирева, одном из лучших пособий по русской истории, нет и следа концепции “русского феодализма” [Пушкарев, 1991].

Скованные железной цепью доктрин “Краткого курса истории ВКП(б)”, советские историки не могли не понимать их односторонности. Однако по условиям времени и места выход мог быть найден только в рамках марксистской парадигмы, благо, К. Маркс (как и всякий великий ученый) оставил после себя огромное и противоречивое наследство. Знакомство с историей стран Азии привело Маркса к выводу: “Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям... в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты... Государство здесь – верховный собственник земли. Суверенитет здесь – земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей” [Маркс, 1961, с. 354].

При ближайшем рассмотрении социально-экономическую систему, в которой государство выступает реальным собственником земли и эксплуатирует сеть крестьянских и городских общин через своих агентов, где частное землевладение носит подчиненный характер (хотя и не исчезает от этого совсем и даже обладает известной тенденцией развития), правильнее, по Марксу, именовать “азиатским способом производства”. Однако всем были памяты итоги дискуссий 1930-х гг. по этим проблемам,

нередко заканчивавшиеся арестами излишне любопытных. Поэтому потребовался исторический эвфемизм, который способствовал бы изучению особенностей российской истории и одновременно вписывал бы ее в общеевропейский контекст.

Разработанная Н. Дружининым и поддержанная другими историками концепция “государственного феодализма” вполне отвечала этим критериям (“государственный” – очень хорошее слово для “вождей народов” и его окружения; “феодализм” – очень по-европейски) [Дружинин, 1946]. Успеху доктрины способствовала, без сомнения, наступившая вскоре “оттепель” и возросший спрос на “творческое развитие марксизма”. Вместе с тем она, без всякого преувеличения, стала *методологическим прорывом* в советской исторической эпистемологии середины XX в.

В то же время эта концепция стимулировала исследование проблем преимущественно аграрной истории. Никаких официальных запретов на изучение других тем (город, дворянство, купечество, мещанство), конечно, не было, но для историков крестьянства было меньше хлопот с публикациями, с участием в конференциях, с защитой диссертаций наконец. Но это еще – полбеда. Гораздо хуже оказалось то, что достаточно быстро (вероятно, к рубежу 1970–1980-х гг.) позитивные возможности этой концепции оказались исчерпанными. Сохраняя верность “истмату”, ученые в массе своей обрекли себя на “экстенсивный путь развития”. Конечно, историк всегда будет собирателем фактов, которые он (как шахтер уголь) обязан выдавать “на-гора” общественных наук. Однако до включения в научный оборот эти факты следует пропустить через “обогачительную фабрику” – методологию исследования.

Но росло количество диссертаций, увеличивалось число монографий, накопленные сведения уже не вмещались в железобетонную коробку “истмата”, а методология оставалась на уровне придуманных М. Нечкиной “восходящих” и “нисходящих” ветвей феодализма. В мире шли жаркие “бои за историю”, протекали острые дискуссии между представителями различных школ и направлений, мы же продолжали руководствоваться потертыми штампами о диалектике базиса и надстройки, о соответствии (или несоответствии) производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил, об обострении классово-вой борьбы.

Конечно, и в последние десятилетия существования СССР не все было так безнадежно. Активизировались контакты с международными научными центрами, дозировано, но публиковались труды западных ученых (представителей школы “Анналов”, например). В стране получили широкую известность работы Л. Гумилева (правда, историки-профессионалы предпочитали их игнорировать или обращали критическое внимание на второстепенные детали). Нельзя не упомянуть о новаторских работах Б. Миронова по истории дореформенного русского города [Миронов, 1990]. Предпринимались весьма успешные попытки внести существенные коррективы в понимание проблем соотношения власти и собственности в русском средневековье [Кобрин, 1985]. Особо следует отметить концепцию общинной государственности Киевской Руси по типу “городов-государств”, разработанную группой ученых под руководством И. Фроянова [Фроянов, Дворниченко, 1988], которая фактически дезавуировала теорию “раннефеодального государства” (потому и вызвала шквал не всегда корректных критических замечаний). Список можно продолжить, но следует иметь в виду, что это был своего рода “брусиловский прорыв”, не поддержанный наступлением других “фронтов”. Новации оставались достоянием академической науки и, если исключить исторические факультеты, да и то не всех вузов, фактически вне рамок учебной деятельности.

Примером методологического кризиса может служить монография известных историков В. Буганова, А. Преображенского, Ю. Тихонова об эволюции феодализма в России. Обширная эрудиция, превосходное знание предмета исследования (формы землевладения, рентные отношения, хозяйство, города и промышленность) и глубина проникновения в суть конкретно-исторических проблем сочетаются в ней с декларативными (и совершенно не нужными с концептуальной точки зрения) заявлениями

в поддержку доктрины “русского феодализма” [Буганов, Преображенский, Тихонов, 1980].

Здесь не место для подробного анализа работы в целом, поэтому ограничусь некоторыми примерами. “Складывание условного держания, – пишут авторы, – встречало поддержку московских князей, ибо соответствовало их централизаторским устремлениям” [Буганов, Преображенский, Тихонов, 1980, с. 37]. Создается впечатление, что условное землевладение складывалось как бы само собой, великим князьям оставалось только сделать выбор в пользу этой тенденции. Но речь должна идти не о поддержке, а о *прямом насаждении* условного держания в третьей четверти XV в. после конфискации земель новгородского боярства (и частично земель “Святой Софии”). Поместная система в России была формой условного землевладения, но не феодальным, а *антифеодальным* институтом. Именно она позволила самодержавию вытоптать ростки феодализма в виде княжеско-боярской вотчины. Разумеется, в совокупности с другими факторами, среди которых не последнее место занимает и внутренняя неустойчивость самой вотчины. Замечу в этой связи, что “отец русского феодализма” Павлов-Сильванский связывал его упадок с распространением поместной системы, а ликвидацию – с установлением при Иване Грозном всеобщей службы с земли. Эта “общеобязательность, – подчеркивал он, – исключала основное начало феодализма – свободный договор о службе” [Павлов-Сильванский, 1988, с. 111].

Далее авторы пишут, что Судебник 1497 г. *юридически* провозгласил, что “вся земля находится в *феодальной собственности* (курсив мой. – А.И.), подразделяемой на собственность государства или отдельных феодалов” [Буганов, Преображенский, Тихонов, 1980, с. 37]. Как раз *юридически* этого установлено не было. В тексте Судебника 1497 г. (как и вообще во всех правовых актах эпохи Московского царства) нет терминов “феодалы” и “феодальная собственность”. Лучше было бы сказать “фактически провозгласил”, но и это ниоткуда не следует. Статья 63 “О землях суд” упоминает о землях великого князя, боярских, монастырских и черных землях, добавляя помещика, “за которым земли великого князя”. Судя по тому, что срок иска в поземельных спорах для *всех* категорий определялся в три года, никакой поземельной *иерархии* не существовало. За исключением великокняжеских земель, где этот срок был определен в шесть лет. Вывести из этого что-то “феодальное” весьма сложно. О равенстве всех землевладельцев перед законом говорит ст. 60 Судебника: “А которой человек умрет без духовной грамоты, а не будет у него сына, ин статок весь и земли дочери; а не будет у него дочери, ино взяти ближнему от его рода” [Российское... 1985, с. 61–62].

Очень трудно разгадать и такой тезис авторов: “Великокняжеская и царская власть на основе централизованной формы земельной собственности стремилась укрепить феодально-иерархическую систему, господствующие позиции класса феодалов в целом” [Буганов, Преображенский, Тихонов, 1980, с. 38]. Позволительно задать простые вопросы: где и когда формирующееся национальное государство укрепляло “феодально-иерархическую систему”? Не в борьбе ли с этой системой оно сформируется? А если царская власть в XVI в. и укрепляла какую-то иерархию (а она ее укрепляла), то, может быть, иерархия была вовсе и не феодальная?

Еще один показатель кризиса советской исторической науки – солидный академический пятитомник по истории крестьянства нашей страны, вышедший из печати на закате социализма. Обилие систематизированного и введенного в широкий научный оборот материала и сегодня сохраняет за этим коллективным трудом значение выдающегося историографического факта. Авторы (и это их право) акцентируют внимание читателей на том, что мировоззренческой основой работы стала “марксистско-ленинская диалектико-материалистическая концепция истории России”, что в ней “развиваются идеи и положения теории государственного феодализма” [История... 1990, с. 11–12]. Притом все это писалось с завидным олимпийским спокойствием в то самое время, когда от “марксистско-ленинской концепции” только ключья разлетались в разные стороны.

Неудивительно, что с таким методологическим багажом историческая наука в ходе потрясений 1990-х гг. оказалась маловостребованной. Историческое сообщество замкнулось в своей профессиональной скорлупе и уподобилось ученым сычам и филинам из известной сказки М. Салтыкова-Щедрина, которые не для того науками занимались, “дабы их распространять, а для того, чтобы от лихого глаза их оберегать” [Салтыков-Щедрин, 1933, с. 408]. Этим сполна воспользовались историки “нетрадиционной ориентации”. Прилавки книжных магазинов в одно мгновение были завалены “трудами” по проблемам “новой хронологии”, виртуальной, многовариантной и вообще всякого рода альтернативной истории.

Бывший физик, а ныне мастер фантастического жанра, А. Бычков написал историю России, “которой не было”. Узвевленный лаврами первооткрывателя, он осчастливил читателей объемистым (на 443 с.) произведением о Киевской Руси с подзаголовком: “Страна (не государство, *страна!* – А.И.), которой никогда не было?”. При этом он проделал немислимую для нормальных исследователей источниковедческую работу, ибо опирался, помимо прочего, “на ныне утерянную Моравскую хронику”. Из этой монографии, в частности, можно почерпнуть ускользнувшую от ученых – от В. Татищева до Б. Рыбакова – важную историческую подробность о крещении княгини Ольги в 955 г. в... Москве [Бычков, 2007, с. 151]. Чем, как говорится, “нетрадиционалисты” не шутят, пока историки спят! Хуже всего, что подобный бред нередко внедряется “продвинутыми” учителями в головы воспитанников. Необходима разработка новых подходов и концепций, с учетом ведущих тенденций мировой исторической науки.

К счастью, историки уже встали на этот путь. Первопроходцами здесь, видимо, следует считать востоковедов. Это понятно: теория формаций зародилась в Европе для объяснения европейской истории. Но уже Маркс не настаивал на ее универсальности и подчеркивал и специфику восточных стран, усматривая, например, “ключ к восточному небу” в отсутствии частной собственности [Маркс, 1961, с. 221].

Неудивительно, что для многих востоковедов “исторический материализм” с его раз и навсегда установленными пятью ступенями развития человечества уже много десятилетий был “беломом в глазу”. Наличие собственно феодализма на Востоке, впрочем, не отвергается, не признается лишь его формационная природа. Как пишет Л. Васильев: “Феодализм как социально-политический феномен, как система институтов, тесно связан с политической раздробленностью – как в Европе, так и вне ее. Преодоление раздробленности означает дефеодализацию. Иными словами, в принципе феодализм в этом его первоначальном смысле мог появляться и исчезать, после чего появляться вновь, как то и бывало в истории ряда стран Востока...” [Васильев, 1998, с. 244].

Принципиальное значение для понимания сути проблемы имеют опубликованные материалы “круглого стола”, проведенного в рамках семинара по исторической и культурной антропологии Института всеобщей истории РАН [Феодализм... 2008]. Однако предложенные новации не только не усвоены научной общественностью, но фактически не стали даже предметом широкого обсуждения в научно-преподавательской среде. Это в значительной мере относится и к фундаментальному труду по социальной истории России Миронова. Нельзя сказать, чтобы его публикация прошла незамеченной, но и сегодня, после всех “круглых столов” и обстоятельных рецензий, авторы учебных пособий по большей части предпочитают обходить его выводы стороной. Перечисленные Мироновым “семь смертных грехов” советской исторической науки – экономизм, априоризм, презентизм, материализм, объективизм, универсализм, идеологизация и политизация [Миронов, 1999, с. 14] – и сегодня занимают почетное место в пантеоне не только историков, но и обществоведов в целом.

Специалисты по истории средневековой России по-прежнему оказываются самыми последовательными сторонниками концепции “феодализма”. Так, А. Горский полагает, «что если перестать настаивать на понимании феодализма как исключительно сеньориальной системы с разветвленными вассально-ленными отношениями, то в качестве основного термина вполне может подойти и понятие “феодальное”» [Горский,

2008, с. 192]. Что ж, при таком подходе и вода может рассматриваться как разновидность масла, и соль можно отождествлять с сахаром.

Обратимся к новейшей учебной литературе. Перед нами учебник, изданный в 2006 г. под брендом “Московский государственный университет им.М.В. Ломоносова”. Мы вправе ожидать от преподавателей головного вуза страны, что история России изложена “с учетом новейших данных, накопленных исторической наукой”. Во введении авторы указывают на то, что монополия марксистско-ленинской концепции сковывала творчество ученых. Но вот оковы пали, и что мы видим? “Древнерусское государство, – пишет А. Орлов, – можно охарактеризовать как раннефеодальную монархию”. Допустим. Но что такое феодализм в трактовке авторов? Об этом не сказано ни слова, хотя и утверждается, что в Киевской Руси он был “господствующей системой производственных отношений”. Конечно же, этот строй имел отличия от западноевропейских образцов. “Они заключаются, – подчеркивают авторы, – в огромной роли государственного сектора в экономике страны – наличии значительного числа *свободных* крестьянских общин, находившихся *в феодальной зависимости* (выделено мной. – А.И.) от великокняжеской власти”. “Свободные общины, находящиеся в феодальной зависимости” – такую информацию действительно можно почерпнуть только из новейшей постмодернистской исторической литературы. Понятно, что, утвердившись в Киевский период, “феодальное землевладение” интенсивно развивалось в XIV–XV вв., в XVII в. происходил дальнейший рост феодальной земельной собственности, а вместе с этим – и класса феодалов. Пристально следя за изложением концепции, обнаруживаем, что в XVIII–первой половине XIX в. “феодальное” землевладение и “класс феодалов” куда-то исчезают, вместо этого появляется крепостное хозяйство, помещичье землевладение и дворяне. Как первое соотносится со вторым – непонятно. Однако если сказано, что в первой половине XIX в. Россия “сохраняла свое традиционное экономическое устройство”, это значит, что с “феодализмом” наше отечество еще не распрощалось [Орлов... 2006, с. 23, 31, 74, 103, 188]. Терминология, периодизация, характер изложения материала, даже приводимые факты – все остается до боли традиционным и узнаваемым. В жертву приносится только само понятие “общественно-экономическая формация”. Воистину, “мы ленивы и нелюбопытны” [Пушкин, 1937, с. 432].

Иногда, впрочем, сторонники русского феодализма признают условность термина, но тут же спешат добавить, что под ним следует понимать аграрное доиндустриальное общество Средних веков и начала Нового времени [Деревянко, Шабельникова, 2002, с. 51]. Таким образом, теория феодализма как особой социально-экономической формации и закономерного этапа в развитии общества сохраняется в первозданной чистоте, будучи слегка припудренной терминами, заимствованными из концепции модернизации.

В последнем варианте учебника под редакцией А. Сахарова заявлено, что в основе концепции лежит цивилизационный подход, а формационный – признается в качестве сопутствующего метода познания, но не как “универсальная отмычка”. При этом “цивилизационный подход” трактуется как “общее развитие всего человеческого рода, всех стран и народов, которые проходили схожие этапы своего развития”, только асинхронно. Что это за этапы, можно понять из дальнейшего изложения материала. В XI–XII вв., по мнению авторов, происходит зарождение феодальной системы (не элементов феодализма – *системы!*). Конечно же, в рамках этой системы во второй четверти XV в. разгорается “феодальная война”, а во второй половине XVI в. устанавливается “феодальная диктатура”. В духе времени, понятно, говорится о формировании при Иване IV государства “по евразийской модели”, но в чем это проявилось, кроме ориентации голов российского орла, остается загадкой [Сахаров, Боханов, Шестаков, 2008, с. 3, 5, 83, 203, 213, 253].

Древняя Русь трактуется как раннефеодальное государство и в оригинальном по форме, подаче материала и новизне привлеченных фактов учебном пособии для гуманитарных вузов В. Фортунатова [Фортунатов, 2008, с. 30–52]. Заметный вклад в

преодоление сложившихся в преподавании истории стереотипов вносит учебник по истории России под редакцией Н. Павленко. Это касается влияния природно-климатических условий на экономическое развитие страны, проблемы становления и специфики государства, взаимоотношений помещиков и крестьян. Тем не менее авторы видят свою задачу в том, чтобы проследить исторический путь народов нашей страны “на протяжении первобытнообщинного и *феодалного* (курсив мой. – А.И.) строя”. В этой связи древнерусское общество они (указывая, впрочем, и на другие точки зрения, например, историков петербургской школы) также склонны рассматривать как раннефеодалное, а удельный период – как период *феодалной* раздробленности [Павленко... 2009, с. 9, 68, 75].

Не обошлось без реверансов в сторону русского феодализма и в одном из самых ценных и капитальных учебников истории для студентов-историков под редакцией Л. Милова. Авторы усматривают особенности исторического процесса XVI–XVII вв. в своеобразии “эволюции феодалной земельной собственности”, когда “государство намертво сцементировало зависимость феодалов от центральной власти”, создав поместья на государственных землях и связав владение вотчиной с обязательной службой [История... 2006, с. 12].

Что подделаешь? Как говорил Маркс: “Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых” [Маркс, 1979, с. 422]. Может быть, и в самом деле нет смысла воевать с “ветряными мельницами” исторического материализма, а время – лучший доктор – само расставит все на свои места? Расставит, конечно, но вряд ли это произойдет без помощи историков.

В этой связи заслуживает внимания позиция Ю. Дворниченко, полагающего, что «безграничное использование термина “феодализм” не нейтрально, даже вредно» [Дворниченко, 2004, с. 9]. Это действительно так. “Русский феодализм” – утопия, опрокинутая в прошлое, а прогнозировать будущее, основываясь на утопиях, опасно. Вооруженные “марксизмом-ленинизмом”, ибо по большому счету ничего другого у нас за душой не было, мы не так давно смело бросились в омут реформ и едва не сломали себе шею. Урок – не впрок, у нас по-прежнему, как говорил С. Булгаков, “сначала все измышляется фантастическая орбита, а затем исчисляются мнимые отклонения от нее” [Булгаков, 1990, с. 94].

Вопрос, конечно, не в понятиях как таковых. Дело в том, что подавляющее большинство авторов учебников независимо от употребления самого термина свято верят в то, что “феодализм” не теоретическая конструкция, но – и в первую очередь – определенный сегмент реального исторического пространства-времени. Перефразируя О. Генри, можно сказать, что дело не в методологии, которую мы выбираем; то, что внутри нас, заставляет нас выбирать методологию. А “внутри нас” – почти ничего, кроме “истмата” (речь, конечно, не об отдельных ученых, а о преподавательском корпусе в целом).

Формационная теория изначально ориентирована на дискретность исторического процесса. Нет России вообще – есть Россия “феодалная”, “капиталистическая” и, разумеется, “социалистическая”, которые имеют между собой мало чего общего, поскольку в результате развития производительных сил изменяется совокупность производственных отношений (“базис”), а вместе с этим коренным образом меняется и “надстройка”. Там, где факты в эту стройную теорию не укладывались, все можно списать на пережитки “крепостничества” или “капитализма”. Сегодня это стремление “подогнать под ответ” многообразие фактов и многогранность процессов выглядит явным анахронизмом.

Большие методологические возможности адекватного описания исторического процесса России в этой связи дает “миросистемный подход” и концепция “длительной временной протяженности”. Эта “*la longue durée*” есть не что иное, как “последовательность возобновляемых движений с вариациями и возвратными движениями, с ухудшениями, приспособлениями, стагнациями”, иногда – даже с крупными разрывами [Бродель, 1992, с. 641].

И. Валлерстайн предлагает следующую модель “времени-пространства”. На поверхности лежит эпизодическое геополитическое “время-пространство”, в котором царствуют единичные, на первый взгляд, почти не связанные между собой, события. На большей глубине расположилось “циклически-идеологическое время-пространство”, основанное на длительных временных ритмах (типа “вековых трендов”), в котором каждая цивилизация воспроизводит свою базовую модель (*pattern*). Еще глубже обосновалось “структурное (долгосрочное) время-пространство”, связанное с медленной эволюцией паттернов. Концептуально можно допустить также существование вечного времени-пространства. К этим четырем видам, восходящим к пониманию исторического времени Броделем, Валлерстайн добавляет пятый – *kairos*, или время-пространство человеческого выбора [Валлерстайн, 2001, с. 102–116].

В основе развития каждой культуры или цивилизации (в данном случае будем считать эти понятия синонимами) лежит некий неразложимый осадок, ее инвариант. Среди растений и животных таким инвариантом является генно-хромосомный аппарат, *геном*, отвечающий за сохранение и передачу наследственной информации. Нечто похожее можно наблюдать и в общественной жизни, где “эволюционно сформировался подобный же инвариант, обеспечивающий негенетическое социальное наследование составляющих надбиологической жизни человечества” [Алексеева-Бескина, 2001, с. 111]. Он получил (пока еще не общепризнанное) название *социогенома*. Наверное, допустимо без ущерба для понимания сути проблемы именовать подобные структуры также и *паттернами*. В любом случае именно они придают качественное своеобразие определенной стране и делают Россию – Россией, Францию – Францией, при всех возможных изменениях, модификациях и флуктуациях.

В этом контексте можно предложить следующую схему развития России, рассматривая ее как рабочую гипотезу и приглашение к дискуссии. Политогенез в нашей стране проходил в обстановке почти непрерывной борьбы на трех фронтах: восточном и южном – с осколками Орды, западном – с Литвой, ливонцами и шведами. Московское государство поэтому складывалось как “вооруженная Великороссия”. Его главными отличительными особенностями – по определению Ключевского – стали боевой строй государства, тяглый, неправовой характер внутреннего управления, при котором сословия различались не правами, а повинностями, и абсолютный характер верховной власти [Ключевский, 1957, с. 396–397]. Весь экономический потенциал России был ориентирован на поддержание обороноспособности страны. Отсюда – необходимость концентрации власти и собственности в руках “государя”. Этот восточный принцип “*власти-собственности*” стал наиболее значимым *паттерном* российской истории.

Социально-экономической основой “власти-собственности” было неопосредованное право элиты на избыточный продукт, взимаемый в виде “ренты-налога”. В идеале этот продукт централизованно поступает “в закрома Родины”, а затем редистрибутируется среди социальных групп в зависимости от степени близости к властным структурам. На практике эта конструкция усложняется более или менее отчетливой тенденцией к приватизации в виде частного владения землей и промышленными предприятиями, что не превращает хозяев в частных собственников, по крайней мере в европейском смысле.

Основываясь на дореволюционной традиции в русской историографии, Р. Пайпс определяет политическую систему средневековой Руси как *вотчинную монархию*, в которой функции главы государства и хозяина княжества-вотчины совпадают полностью [Пайпс, 1993, с. 92, 102]. Царь – собственник не только территории, но и, в известном смысле, населения, на ней проживающего. Последнее разбито на категории по функциональному признаку (“государевы служилые люди”, “государевы тяглые люди”, даже “государевы богомольцы”). Если смотреть на дело с точки зрения отношений собственности (а такой взгляд более чем естествен для американца), то исследователь во многом прав. Однако возникает вопрос: откуда такая патологическая страсть к наживе именно у московской династии и почему не нашлось желающих

заставить ее поделиться вотчинным достоянием? Ответ следует искать в конкретно-исторической ситуации.

Становлению политической системы Московского царства способствовал в какой-то мере географический фактор. Природа давала возможность русскому человеку выжить (и даже сравнительно неплохо с точки зрения биологических потребностей), но она оставляла очень мало способов накопления прибавочного продукта. Россия, по мнению Милова, “была многие столетия социумом с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта...” [Милов, 1998, с. 411]. Отмечу, впрочем, что и этот выдающийся исследователь не в силах разорвать связь с “русским феодализмом”. По его мнению, различия Восточной и Западной Европы прослеживаются “в рамках одной общественно-экономической формации”, но они глубоко принципиальны и носят фундаментальный характер. “Речь идет о различных типах феодального общества и разных темпах их развития” [Милов, 1998, с. 554]. Но если различны “типы”, а не “виды”, то почему собственно, такое общество обязательно “феодальное”?

Постоянно испытывая острую необходимость в материальных средствах, центральная власть забирала не только излишки, но подчас и самое необходимое, и делала это не от жадности, а по горькой нужде. Сложившееся в таких условиях государство было не столько вотчинным, сколько *военнослужилым*. И таковым оно, *mutatis mutandis*, оставалось до конца XX в. В нем были “командиры, солдаты и работники, не было граждан” [Ключевский, 1957, с. 397].

Дворниченко ограничивает существование военно-служилой государственности удельными веками, полагая, что на смену ей в XVII в. пришел государственно-крепостнический строй (ГКС), который получил яркое отражение и юридическое оформление в Соборном уложении 1649 г. “На протяжении нескольких столетий, – по мнению исследователя, – ГКС является основой российской цивилизации, которая, конечно, имеет много сходных черт и с Западом и с Востоком, но при этом является уникальной” [Дворниченко, 2004, с. 9].

Оставляя до более благоприятного времени споры об оттенках и аспектах проблемы, отмечу, что военнослужилый фактор в любом случае оставался, наряду с “властью-собственностью”, доминирующим паттерном истории России, неоднократно меняя форму, но сохраняя практически в неизменном виде содержание. В этой связи нелишне будет процитировать М. Сперанского, знакомого с нашей государственно-стью не понаслышке: “Россия есть, и всегда была государство военное. Гражданская ее установления суть средства, а не цели ее бытия... Начала ее управления были всегда совершенно военные, все и всегда управлялось одними ежедневными приказами, хотя форма их была различна” (цит. по [Прутченко, 1899, с. 16]). Этот тезис верен не только для первой четверти XIX, но и для конца XX в.

Переход от худо-бедно устойчивой советской системы к перестроечному и постперестроечному “хаосу”, обнажил сосуществование различных “социоэкономик”. Значительная часть сельского населения вернулась если не к натуральному, то к полунатуральному хозяйству. Нелегальная иммиграция и кабальная зависимость способствовали формированию рабства; в бригадах “братков” и “пацанов” нетрудно заметить регенерацию “феодальных” дружин, хотя и без земельных пожалований.

Одновременно мы видим складывающиеся стихийно структуры рыночной экономики (частные предприятия, более похожие на ремесленные мастерские, кооперативы, разного рода “товарищества” и “общества”). В “челноках” угадываются типичные представители развозно-разносной торговли. И над этим над всем царит “капитализм”, понимаемый в духе трехчастной схемы Броделя как совокупность “активных иерархических социальных структур”, искажающих ход обмена в свою пользу [Бродель, 2006, с. XXXII]. Проще говоря, скопище юридических и физических “олигархов”, ведущих свои дела, нимало не считаясь с интересами общества и даже государства (если только последнее не найдет силы стукнуть “кулаком по столу”).

Таким образом, в начале XXI в. Россия столкнулась с трансформационным временем-пространством, а значит, оказалась перед необходимостью выбора нового пакета

“социопрограмм”. Сегодня не то чтобы вырисовываются, но ощущаются его контуры. Медленно, но восстанавливается паттерн “власти-собственности”. Об этом говорят практические шаги, направленные на укрепление “вертикали власти”, регуляторные напоминания о “социальной ответственности” крупного бизнеса. Это не означает возвращения в коммунистические времена или отмену результатов приватизации. Достаточно того, чтобы государство было держателем контрольного пакета акций, своего рода холдинговой суперкомпанией “*Russia Inc.*”, и в качестве собственника распоряжалось полученной прибылью в национальных интересах. Дело, в конце концов, не столько в формах собственности, сколько в качестве менеджмента.

Страна не может оставаться в стороне от процессов глобализации, но в силу своей исторической неподготовленности она еще длительное время “обречена” быть особым “миром-экономикой”. Это тем более так, что в отличие от дореволюционной России (или современного Китая) с многомиллионным крестьянством, являющимся “гумусным слоем”, подпитывающим “игры обмена” как бы автоматически, сегодняшнее государство должно приложить немало усилий для рекультивации этого слоя. Речь идет не столько об аграрном секторе, хотя и о нем тоже, сколько о формировании конкурентного слоя мелких и средних предприятий в целом, что и является собственно рыночной экономикой [Бродель, 1992, с. 650].

Очевидно, что сложность стоящих перед страной задач требует от историков новых подходов и нестандартных решений. Решать проблемы XXI в., основываясь на парадигмах века XIX (сколь бы грандиозны и конструктивны в свое время они ни были) попросту невозможно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева-Бескина Т.И. Саморазвивающаяся система города и константы переходных периодов урбогенеза // Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики. М., 2001.

Альдебер Ж., Бендер Й., Груша И. Гуараччино Ш., Массон И. История Европы. Минск–М., 1996.

Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990.

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII в. В 3 т. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 2006; Т. 2. Игры обмена. М., 1988; Т. 3. Время мира. М., 1992.

Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы. М., 1980.

Булгаков С. На пиру богов. PRO и CONTRA. Современные диалоги // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1990.

Бычков А.А. Киевская Русь. Страна, которой никогда не было? Легенды и мифы. М., 2007.

Валлерстайн И. Изобретение реальностей времени-пространства: к пониманию наших исторических систем // Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций. Вып. 2. Структуры истории. Новосибирск, 2001.

Васильев Л.С. История Востока. В 2 т. Т. 1. М., 1998.

Вернадский Г.В. Киевская Русь. М., 1996.

Горский А.А. “Русский феодализм” в свете ревизии феодализма “западного” // Феодализм: понятие и реалии. М., 2008.

Гуревич А.Я. Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. 1990. № 11.

Гуревич А.Я. Феодализм перед судом историков, или о средневековой крестьянской цивилизации // Феодализм: понятие и реалии. М., 2008.

Дворниченко А. Ю. Уложение 1649 года и государственный строй России // Государственная власть и общественность в истории центрального и местного управления России. Сборник статей памяти М.М. Шумилова. СПб., 2004.

Деревянко А.П., Шабельникова Н.А. История России с древнейших времен до начала XXI века. М., 2002.

Дидерикс Г.А., Линдبلاد И.Т., Ноордам Д.И., Квиспель Г.К., Фриз Б.М.А., Фриз П.Г.Г. От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. М., 1998.

Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. В 2 т. Т. 1. М.–Л., 1946.

История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. В 5 т. Т. 2. Крестьянство в периоды раннего и развитого феодализма. М., 1990.

История России XVIII–XIX вв. Под ред. академика РАН Л.В. Милова. М., 2006.

История средних веков. Под ред. С.П. Карпова. В 2 т. Т. 1. М., 1997.

Ключевский В.О. Курс русской истории // *Ключевский В.О.* Соч. В 8 т. Т. 1. М., 1956; Т. 2. М., 1957.

Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985.

Лависс Э., Рамбо А. Эпоха крестовых походов. М., 2005.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

Маньков А.Г. Вопросы крепостного права и крепостничества в России в трудах В.И. Ленина // В.И. Ленин и проблемы истории. Л., 1970.

Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. произв. Т. 1. М., 1979.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. 2. М., 1961.

Маркс К. Письмо к Энгельсу в Лондон. Манчестер. 6 июня 1953 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 28. М., 1961.

Медушевский А.Н. Аналитическая история: журнал и приоритетные направления его развития // Отечественная история. 2008. № 5.

Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. Т. 1. СПб., 1999.

Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России. М., 2006.

Павленко Н.И., Андреев И.Л., Кобрин В.Б., Федоров В.А. История России с древнейших времен до 1861 года. М., 2009.

Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988.

Пайтс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.

Пихоя Р.Г. Востребованная временем история. Отечественная историческая наука в 20–30-е гг. XX в. // Новая и новейшая история. 2004. № 2.

Прутченко С.М. Сибирские окраины. Историко-юридические очерки. Приложения. СПб., 1899.

Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум // *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 13. М.–Л., 1937.

Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. М., 1991.

Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985.

Салтыков-Щедрин М.Е. Орел-меченат // *Салтыков-Щедрин М.Е.* Соч. М.–Л., 1933.

Сахаров А.Н., Боханов А.Н., Шестаков В.А. История России с древнейших времен до наших дней. В 2 т. Т. 1. М., 2008.

Феодализм: понятие и реалии. М., 2008.

Фортуатов В.В. Отечественная история. СПб., 2008.

Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

Чирков С.В., Н.П. Павлов-Сильванский и его книги о феодализме // *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в России. М., 1988.